

**ИЗ ОПЫТА ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ XVIII в. В КОНТЕКСТЕ  
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЙ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.  
(РУССКИЕ ОТКЛИКИ НА СОЧИНЕНИЕ А. ТОКВИЛЯ)**

© 2013 О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет

Поступила в редакцию 30.10.2013

В статье рассматриваются отклики в общественном мнении и публицистике России середины XIX в. на книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция». Автор статьи выявляет особенности осмысления истории Франции XVIII в. в контексте общественных дискуссий в России. В качестве главной причины актуальности сочинения Токвиля в общественной жизни России в середине 1850-начале 1860-х гг. рассматривается обращение к вопросу о соотношении в историческом развитии реформ и революций.

Ключевые слова: старый порядок, реформы, революция, общественное мнение, Великие реформы в России, Великая французская революция, А. Токвиль, Б.Н. Чичерин, М.Н. Катков, Н.Г. Чернышевский, Ш. Мазад, С.М. Соловьев.

В 1856 г. вышло в свет сочинение известного французского историка и политического мыслителя Алексиса Токвиля «Старый порядок и революция», посвященное выяснению исторических предпосылок Великой французской революции. Творчество А. Токвиля к тому времени было уже хорошо известно в России: его знали прежде всего как автора «Демократии в Америке». Содержание новой книги Токвиля, устанавливающей историческую связь между состоянием страны в период правления Людовика XVI и последовавшими революционными событиями, стало по-особенному актуальным в России накануне «Великих реформ». Это произведение неизбежно должно было восприниматься как книга о времени исторических перемен, совершающихся в быстрых темпах, смысл которых для современников остается недостаточно ясным. Напрашивавшаяся аналогия предреволюционной Франции и России после Крымской войны, также как идейно-тематическое поле дискуссий о соотношении реформ и революций, превращали сочинение Токвиля в злободневное чтение для русского образованного общества. Современная ситуация в России, идейно-политический контекст эпохи диктовали и интерес к книге, и особенности ее прочтения.

Отрезок времени накануне первой из «Великих реформ» – отмены крепостного права – по историческим меркам достаточно непродолжительный (1855-1861), был чрезвычайно наполнен не только политическими событиями, но и

стремительными изменениями в сознании общества. Этому процессу уже современники дали разные названия, среди которых: «умственная революция», «канун освобождения», «переходное время», «эпоха обличения». Современники четко сознавали, что происходящее – не просто изменения во взглядах и настроениях, а настоящий переворот в политическом мировоззрении, стремительный и необратимый. В эпистолярных источниках эпохи читаем: «Нас гонит вперед сама судьба»; «...Как будто по мановению какого-то волшебного жезла все изменилось вокруг Вас: Вы живете в новом каком-то мире»<sup>1</sup>. В такой ситуации одной из первостепенных задач для общественного сознания становился поиск способов описания событий и явлений современности, воспринимавшихся как стихийные и трудно объяснимые. В таком поиске обращение к историческому опыту других стран было совершенно логичным. Представляется, что изучение общественного восприятия в России исторического сочинения французского автора позволит дополнить содержание и выводы современных исследований, посвященных российскому общественному мнению середины XIX в.<sup>2</sup>

О том, какое большое значение придавали в России новой книге А. Токвиля, свидетельствует то, кто ее читал и кому рекомендовали к прочтению. Примечательны следующие факты. Б.Н. Чичерин давал ее прочитать наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу, и по тому, какое сильное она произвела впечатление на цесаревича, судил о его умственных способностях<sup>3</sup>. А.В. Головин рекомендовал ее прочитать великому князю Константину Николаевичу. В письме к нему автор проводил прямую

*Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений.  
E-mail: kochukovasgu@mail.ru*

параллель между «старым порядком» во Франции и современным положением в России: «Сочинение содержит много весьма поучительного, и особенно для нас, русских, именно в теперешнюю эпоху много полезного»<sup>4</sup>. Через четыре года А.В. Головин в очередном письме к признанному высокому покровителю либеральных реформаторов возвращался к работе Токвиля и упоминал, что Константин Николаевич находил «большое сходство между положением Франции до революции и нынешним состоянием России»<sup>5</sup>.

Первое, на что обращали внимание русские читатели французского автора, это характеристики «старого режима», который откровенно приравнивался к «николаевскому режиму». Громко провозглашенный разрыв преемственности между двумя эпохами, двумя царствованиями, нигилизм по отношению к прошлому были, видимо, весьма естественным фоном в период перехода к масштабному реформированию страны. «Обличение» прежней системы становилось орудием реформаторских сил и видимым образом, символом, служившим их консолидации. Общество, в котором невероятно быстро иссякали влияние и популярность защитников «старого режима», голоса которых совершенно исчезли в общем хоре, одновременно выносило приговор всей традиционной системе («Прежняя система отжила свой век», по выражению М.П. Погодина<sup>6</sup>), давало ей многочисленные уничтожающие характеристики (к примеру, фраза П.А. Валугева «Сверху блеск, внизу гниль»<sup>7</sup>) и демонстрировало готовность инициировать, принимать и обсуждать различные проекты преобразований. В этом смысле исследование о предыстории Французской революции предоставляло своеобразный каркас для формирования общественного мнения в отношении к характеристикам «устаревших общественных форм».

Тем не менее описанием «старого порядка» не исчерпывалось содержание исследования Токвиля; напротив, в нем был поставлен вопрос о том, к каким историческим последствиям приводило его крушение. Так возникал центральный вопрос о соотношении реформ и революций как способов и вариантов преобразования общества. Следует отметить, что в русском образованном обществе 1850-х гг. была весьма распространена либеральная версия соотношения реформ и революций, гласившая, что первые и существуют для того, чтобы предотвращать вторые. Многочисленные суждения современников были тому свидетельством. Министр финансов М.Х. Рейтерн писал: «История всех народов доказывает, что революции могут быть предупреждены только благовременными реформами, дарующими народу то, чего он сам ищет в революциях,

то есть устранения обветшалых форм и укоренившихся злоупотреблений»<sup>8</sup>. Управляющий III отделением А.Е. Тимашев замечал: «Возвратить старый порядок вещей невозможно, а оставлять умы в настоящем волнении опасно. Поэтому правительству необходимо предупредить могущие возникнуть беспорядки и самому совершить то, что в случае его медлительности сделает народ»<sup>9</sup>. Мысль о реформах как средстве предупреждения революции звучит, конечно же, и в известной фразе Александра II о способе проведения крестьянской реформы («лучше сверху, чем снизу»).

Между тем внимательное прочтение произведения Токвиля должно было подвести его русских читателей к несколько иным выводам. Французский историк хорошо понимал, что реформы не являются сами по себе некоей панацеей, более того, они могут даже содействовать развитию общественных процессов, которые ускоряют начало революции. «Как показывает опыт, – писал А. Токвиль, – наиболее опасным и трудным для правительства является тот момент, когда оно приступает к преобразованиям»<sup>10</sup>. По мнению историка Французской революции, только гений может спасти государя, начавшего реформы, ибо «зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать»<sup>11</sup>. В сущности, Токвиль на примере событий во Франции объяснял механизмы перехода исторического развития от реформаторского сценария к революционному. Во-первых, правительственные реформаторские начинания укореняют в умах людей ценности изменений в противовес святости традиций, показывая пример «презрительного отношения к наиболее древним и с виду наиболее прочным институтам»<sup>12</sup>. Во-вторых, радикализации общественной жизни содействует субъективный фактор, связанный с деятельностью и мировоззрением интеллектуальной элиты общества («литераторов», по выражению Токвиля). «Литераторы», мыслящие абстрактно, а не практически, становятся руководителями общественного мнения и, воспаляемые чувством сострадания к народу, начинают выступать с неосторожными призывами к изменению ситуации»<sup>13</sup>.

Нетрудно понять, что логика рассуждений А. Токвиля, выявлявшая иное соотношение понятий «реформы» и «революция», чем то, которое было распространено в среде либеральных бюрократов и либеральной общественности, а также и его замечания о неоднозначных последствиях деятельности интеллигенции создавали своеобразный «психологический блок» в сознании русских читателей книги «Старый порядок и революция», делавший невозможным восприя-

тие целостной концепции актуального для России исторического труда. Весьма примечательно, что дискуссии в русской публицистике, навеянные прочтением нового сочинения Токвиля, сосредоточились не вокруг всей совокупности идей книги, а вокруг одного из ее выводов. А. Токвиль обращал острей своей критики против крайней политической централизации, существовавшей, по его мнению, в предреволюционной Франции. С точки зрения историка, именно крайняя централизация создала такую ситуацию, когда отсутствие организованной свободы элиты и самоуправления общества предоставило руководящую в общественном мнении роль «литераторам»<sup>14</sup>. Дискуссии о последствиях политической централизации и составили основу общественного обсуждения в России книги Токвиля. В этой дискуссии приняли участие Б.Н. Чичерин, М.Н. Катков и Н.Г. Чернышевский. Разногласия М.Н. Каткова и Б.Н. Чичерина по вопросу о политической централизации и местном самоуправлении, имевшие идейную основу в различном отношении к выводам и наблюдениям А. Токвиля, в отечественной исторической науке были рассмотрены В.А. Китаевым<sup>15</sup>.

В воспоминаниях Б.Н. Чичерин замечал: несмотря на то, что «книга знаменитого французского публициста имела в то время огромный успех», на него она «произвела невыгодное впечатление»<sup>16</sup>. Действительно, Б.Н. Чичерин первым в России выступил с критическим разбором сочинения Токвиля. Сравнивая последнее с более ранним произведением автора «Демократия в Америке», он приходил к выводу, что Токвиль стал «вносить в историю современные взгляды, осуждая в прошедшем то, что кололо его в настоящем»<sup>17</sup>. Чичерин полагал, что в исследовании о Французской революции было недооценено историческое значение абсолютизма и централизации. Специально подготовленную полемическую статью Чичерин предполагал опубликовать в «Русском вестнике», но М.Н. Катков отказался ее печатать. Письмо Каткова Чичерину с отказом в публикации представляет собой весьма примечательный памятник мысли (учитывая последующую идейную эволюцию первого).

М.Н. Катков писал: «Статья Ваша о Токвиле причинила мне большое беспокойство. Правду говаривал покойный Грановский, что изучение русской истории портит самые лучшие умы. Действительно, привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом, – собиранием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре»<sup>18</sup>. В сущности, прочтение исторического текста Токвиля под-

толкнуло двух деятелей либерального движения в России к определению своего отношения к одному из центральных постулатов западноевропейской либеральной мысли о минимизации государственного вмешательства в жизнь общества, и особенно в экономическую сферу. Как добросовестный ученик идеологов западного либерализма Катков утверждал: «Во множестве государств преидет величество государств, и оно, бог даст, превратится в доброго констебля, мирного друга свободы и порядка». Напротив, Б.Н. Чичерин и поддержавший его Е.Ф. Корш видели в государстве «не одно воплощение внешней силы, а устроение народного единства»<sup>19</sup>.

Статья Б.Н. Чичерина «Старая французская монархия и революция» была опубликована в 1858 г. в сборнике его работ «Очерки Англии и Франции», а в 1859 г. Н.Г. Чернышевский в журнале «Современник» выступил с полемическим обзором «Господин Чичерин как публицист». В центре его критики оказалось отношение Чичерина к государству и абсолютизму. Это заставило Чернышевского сделать несколько парадоксальное и, конечно же, достаточно категоричное заявление: «Мы сочувствуем Токвилю гораздо меньше, чем г. Чичерину, но должны сказать, что и в его нападениях на Токвиля так же мало ясного понятия о вещах, как в книге самого Токвиля, и притом главные нападения обращены именно в ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разного вздора в книге Токвиля проводится одна верная мысль, что абсолютизм наделал Франции несравненно больше вреда, чем пользы»<sup>20</sup>. К «разному вздору» Чернышевский относил, вероятно, и понимание взаимосвязи «старого режима», реформаторских попыток преобразовать его и наступившей затем революции. Но следует отметить, что и Чернышевский понимал закономерность перехода от реформ к революции и дальнейшей радикализации общественных настроений «от Мирабо к Робеспьеру», но обосновывал эту закономерность не конкретно-историческим способом (как Токвиль), а путем философских умозаключений, отсылок к социально-психологическим аспектам смены поколений в общественной жизни и т.п.<sup>21</sup>

Как уже отмечалось, размышления о соотношении понятий «реформы» и «революции» в контексте социально-политической ситуации в России создавали своего рода основу для понимания рисков либерально-реформаторского опыта. Но представление о том, что реформы могут стать началом опасного пути к революции, было распространено не в либеральной среде, а в консервативной. Так, к примеру, крепостнические настроенные защитники интересов дворян-

ства накануне реформы опасались, что «скоро совершится желаемое правительством восстание»<sup>22</sup>. Фактически такое умозаключение было обвинением сторонников либеральных правительственных инициатив в «расчистке пути» для будущей революции.

Вместе с тем можно обнаружить достаточно интересные примеры доведения до логического завершения параллели между состоянием России после Крымской войны и Франции в период правления Людовика XVI (то есть признанием существования того общественного состояния, которое в советской исторической науке обозначалось термином «революционная ситуация»). Такое заключение мы встречаем в публицистических текстах Ш. Мазада – иностранца, пораженного картиной обновления России в начале царствования Александра II. Ш. Мазад четко провозглашал, что Россия находится накануне революции и ее положение сходно с положением Франции перед 1789 г. («Россия у той грани, которая еще не есть революция, но которая, если вовремя не осмотреться, явится ее преддверием, где народ и правительство встанут лицом друг к другу»<sup>23</sup>). Одна из фраз Ш. Мазада прямо свидетельствует о его отсылке к сочинению А. Токвиля: «Россия сегодняшнего дня поистине не лишена сходства с Францией в канун 1789 г. в правление Людовика XVI, в тот исключительный момент, о котором один честный и искренний ум написал книгу, целью которой было указать средства, при помощи которых еще можно было бы избежать революции»<sup>24</sup>.

В русской мысли пример «честных и искренних» размышлений о реформаторских рисках, определяющих революционный вектор исторического развития, применительно к российскому идейно-политическому контексту эпохи «Великих реформ», можно обнаружить в воспоминаниях историка С.М. Соловьева. Примененный им способ описания социально-политической ситуации и общественного мнения в России 1850-1860-х гг. заставляет предположить определенное влияние концепции книги Токвиля «Старый порядок и революция».

С.М. Соловьев вскрывал отрицательные характеристики общественного мнения в России середины 1850-х – начала 1860-х гг., такие как исторический нигилизм, склонность к обличительству, бездумному отрицанию общественных устоев и т.п. Как и Токвиль, русский историк видел причины «разнузданности» интеллигенции и неостановимой радикализации ее настроений во влиянии наследия «старого порядка». Соловьев образно характеризовал ситуацию в России как время расплаты за тридцать лет николаевского царствования, как период непра-

вильно понятой «свободы» после «тюрьмы». («У всех, начиная с самого императора и его семейства было стремление вырваться из николаевской тюрьмы. Но тюрьма не воспитывает для свободы. И потому легко себе представить, как будут куролесить люди, выпущенные из тюрьмы на свет... Первым делом было бежать как можно дальше от тюрьмы, проклинать ее, следовательно, первое проявление деятельности интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении»<sup>25</sup>).

В самом характере подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. С.М. Соловьев видел черты революционности (мнения чиновников и «литературы» заглушили голоса помещиков, реформа стимулировала у крестьян механизм надежд на дальнейшие переделы земли и т.д.) Это наблюдение историка полностью соответствует мысли Токвиля о том, что правительственные реформы подготавливают почву для революции в том случае, если они показывают «презрительное отношение к наиболее древним и с виду наиболее прочным институтам». Впрочем, С.М. Соловьев не во всем был согласен с логикой автора «Старого порядка и революции». Размышления над особенностями исторического опыта реформ в России приводили к выводу о необходимости учета национально-государственной специфики страны, ее традиций и заставляли признавать позитивную роль государственного регулирования общественных процессов. Пожалуй, Соловьеву удалось достаточно емко и образно сформулировать вывод о реформаторских рисках в историческом опыте России: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II. Преобразователи вроде Петра Великого при самом крутом спуске держат лошадей в сильной руке и экипаж безопасен, но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель»<sup>26</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Письмо К.Д. Кавелина к С.М. Соловьеву, 16 января 1856 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917 / Сост. В.Ф. Антонов и др. Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1990. С.14.

<sup>2</sup> См., напр.: *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX в. М., 2013. Гл.IV, V, VI.

<sup>3</sup> *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 2010. С.118.

<sup>4</sup> Цит. по: *Шевырев А.* Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головин // Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей. СПб., 2012. С.60.

- <sup>5</sup> Цит. по: Там же. С.61.
- <sup>6</sup> *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874. С.315.
- <sup>7</sup> *Валуев П.А.* Дума русского // Русская старина. 1891. Кн.5. С.354.
- <sup>8</sup> Цит. по: *Степанов В.* Министр финансов М.Х. Рейтерн и Александр II: история отношений и сотрудничества // Александр II. Трагедия реформатора... С.74.
- <sup>9</sup> Цит. по: *Абакумов О.Ю.* Реформаторы из III отделения // Александр II. Трагедия реформатора... С.111.
- <sup>10</sup> *Токвиль А.* Старый порядок и революция. Пер. с фр. М. Федоровой. М., 1997. С.141.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Там же. С.149-150.
- <sup>13</sup> См.: Там же. С.114.
- <sup>14</sup> См.: Там же. С.118, 161-162.
- <sup>15</sup> См.: *Китаев В.А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX в. М., 1972. С.95-99.
- <sup>16</sup> *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 2010. С.350.
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> Там же. С.351.
- <sup>19</sup> Там же. С.355.
- <sup>20</sup> *Чернышевский Н.Г.* Соч. В 2 т. Т.1. М., 1986. С.664.
- <sup>21</sup> См.: *Антонов В.Ф.* Историческая концепция Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. 2006. №1.
- <sup>22</sup> Цит. по: *Абакумов О.Ю.* III отделение и подготовка крестьянской реформы 1861 г. // Отмена крепостного права в России. 150-летие крестьянской реформы 1861 г. Сб. материалов научно-практической конференции. М., 2012. С.17.
- <sup>23</sup> *Мазад Ш.* Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского: Сб. документов. Саратов, 1968. С.550.
- <sup>24</sup> Там же. С.551.
- <sup>25</sup> *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // URL: [http://ruslit.com.ua/russian\\_classic/solovev\\_sm/moi\\_zapiski\\_dlya\\_detey\\_moih\\_a\\_esli\\_mojno\\_i\\_dlya\\_drugih.13195/?page=1](http://ruslit.com.ua/russian_classic/solovev_sm/moi_zapiski_dlya_detey_moih_a_esli_mojno_i_dlya_drugih.13195/?page=1) [дата обращения: 30.10.2013]
- <sup>26</sup> Там же.

**THE UNDERSTANDING OF THE HISTORY OF FRANCE OF THE 18<sup>th</sup> CENTURY  
IN THE CONTEXT OF PUBLIC DEBATES IN RUSSIA IN THE MID-19<sup>th</sup> CENTURY  
(RUSSIAN RESPONSES TO THE WRITING BY A. DE TOCQUEVILLE)**

© 2013 O.V. Kochukova

Saratov State University

The article examines the responses of Russian public opinion and journalism in mid-19th century to the A. de Tocqueville's book «Ancient Regime and the Revolution». The author reveals the main features of understanding of the history of 18th century France in the context of public debates in Russia. She argues that the main reason of the relevance of Tocqueville's writings in the public life of Russia in the mid-1850s and early 1860s was an appeal to the problem of the relations between reforms and revolutions in the historical development.

Keywords: Ancient Regime, reform, revolution, public opinion, the Great Reforms in Russia, the French Revolution, A. de Tocqueville, B.N. Chicherin, M.N. Katkov, N.G. Chernyshevsky, Sh. de Mazad, S.M. Soloviev.